
ТРИ СТУКА

СЕРГЕЙ ТИМИН

Сергей Тимин

Три стука

<https://litres.ru/74515067>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ночью, в эфир умирающего городского радио, звонит детский голос. Считает до трех и просит: «Включи свет в подъезде на Гагарина, 14».

Утром в том подъезде находят мертвого. Голос звонит снова: знает следующую жертву заранее. Жертвы связаны с делом десятилетней давности: пропавшей школьницей, которую официально «утонула».

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЭФИР ДО УТРА	4
ГЛАВА ВТОРАЯ. ГОРОД СЛУШАЕТ	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ВТОРОЙ ЗВОНОК	22
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ДЕСЯТЬ ЛЕТ	31
ГЛАВА ПЯТАЯ. ШПИЛИКА	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Тимин

Три стука

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЭФИР ДО УТРА

Когда на радио закрывают программу, это слышно по запаху. Студия на третьем этаже Дома связи три недели пахла пылью и лимонным освежителем, каким ночной сторож Коля сбрызгивал свой тулуп. Пых говорил, что это запах перед смертью. Потом Пых говорил: это запах перед переменой. Разница, по его словам, в том, кто выбирает.

В этот четверг Гордей Тихомиров включал микрофон в последний раз. Сетка менялась с полуночи пятницы. «Маяк» продали ребятам из области, те привезли свой формат: музыка без остановки, ведущий-плейлист, ноль разговоров. Ночную болталку «Эфир до утра» снимали первой. В приказе, который Гордею даже не показали, было слово «неперспективная».

- Слышь, Гордей. - Пых крутил ручку на пульте так, будто резал по дереву. - У тебя прощальная речь готова или как обычно?

- Как обычно, - сказал Гордей. - Речь на десять секунд, потом до утра по настроению.

- По настроению - это по-нашему.

Пых, он и есть Пых: Вячеслав Дубов, шестьдесят три года, инженер, по совместительству память этого здания. В эфир он не выходил ни разу, но голос у него был хриплый и доверительный, будто труба старого приёмника, которая разогревается всю ночь и к утру начинает шептать сама. Прозвали его так ещё в девяносто втором: приёмник на даче у него пыхтел, и сам он в микрофон пыхтел, и всё у него пыхтело - чайник, «запорожец», судьба. Привыкли. За тридцать четыре года к нему в кабине привыкли ко многому.

На стене у пульта висел выцветший стикер: «МАЯК ГОРИТ - СЛУШАЕТ ОБЛАСТЬ». Кто-то оторвал половину слова «область», и осталось «СЛУШАЕТ ОБ...». Гордею нравилось. Смысл не портился.

В восемь минут одиннадцатого он вышел в эфир, как выходил четыреста раз. Красный глазок загорелся.

- Добрый вечер, Верхневолжск. У микрофона Гордей Тихомиров, и это последняя ночь, когда вы меня слышите. Три с половиной часа. Обещаю не ныть. Обещаю музыку, звонки и честные прощания. Ночной телефон у нас последний, ребята. 24-06-03. Звоните тем, кому не сказали «люблю». Скажете, не успели. Так вот, сегодня последний вечер, когда у нас есть право не успеть.

Пых в кабине хмыкнул и показал через стекло большой палец. В эфире так не принято. Гордей не видел.

Первой позвонила Таня, диспетчер с автобазы. Голос хриплый, рабочий.

- Гордей, ты там чего, правда закрываются?

- Правда, Тань.

- А я после смены слушать не буду, а? Я после смены только тебя и слушаю, а то усну в кабине.

- Спи в кабине, Таня. Тебе там тепло.

- Поставь ей, Пых, что-нибудь, - сказала Таня в трубку и отключилась, потому что так и надо: ночной эфир - это когда люди говорят по три минуты и бросают.

Пых поставил «Кончится лето» и сам подпевал без слов, шевеля усами. Гордей смотрел в окно кабины. Отсюда, с третьего этажа, видно было площадь, ёлку, которую в прошлом году ставили три недели, и фонарь на Гагарина - тот, который мигал с сентября и который никто не мог починить. Мигал и мигал. Город привыкал ко всему, это его главный талант.

В полдвенадцатого позвонил Гена Хохлов, дальнобойщик. Гена полдня ехал на М7 и всю ночь будет ехать обратно, у Гены двое детей и привычка передавать привет всем стоянкам области подряд. Гордей его слушал восемь лет. За восемь лет Гена сдал права, восстановил, женился второй раз, развёлся и снова женился на первой.

- Гордей, брат, я в шоке, честно. Я на трассе скажу, там мужики расстроятся.

- Пусть едут аккуратнее, - сказал Гордей. - Это всё, что я умею советовать.

- А ты много умеешь, - обиженно сказал Гена.

К полуночи позвонили ещё четверо. Таксист Кувшин, ко-

торого диспетчеры звали Балконом, потому что он вечно высовывался из окон на стоянке, просил передать тестю, что долг он вернёт в октябре, «клянусь таксометром». Бабушка Раиса Львовна из Заречья попросила не закрываться «а то я с кошкой разговариваю, а она мне на тебя не ответчик». Ученик Данилов, кажется, восьмого класса, заказал для одноклассницы Милки какую-то новомодную группу, Гордей не расслышал название, Пых подставил из своей коробочки, Милкино имя ушло в эфир на весь город, и Данилов так заорал от счастья, что Пых приглушил.

Вот, думал Гордей, это и есть программа. Не музыка. Люди, которые всю ночь не спят по своей воле или по чужой. Ты им нужен ровно на три с половиной часа, и это самый честный контракт на свете.

А в ноль сорок позвонил ребёнок.

Гордей потом часто вспоминал: сначала он подумал, что это баловство. С тех пор прошло столько дней, сколько в году с високосным, но он помнит те секунды как сейчас. Щелчок. Пых на стекле поднял бровь: линия, а абонента не видно, определитель у «Маяка» был из прошлого века, как и всё, кроме людей.

- Алло, - сказал Гордей. - «Маяк», ночь на связи.

В трубке сопнули. Тихо, по-девчачьи. Потом мальчишеский, но точно детский голос сказал:

- Ты слушаешь?

- Слушаю.

- Раз, - сказал голос. И выждал. И без всякой спешки: - Два. Три.

- Это ты, Данилов? - сказал Гордей. - Милка не оценит, если ты её будешь пугать считалками.

Голос, не обидевшись, сказал:

- Включи свет в подъезде на Гагарина, 14.

Гордей посмотрел в окно. Фонарь на Гагарина мигал. Дом 14 был отсюда виден, девятиэтажка, спиной к скверу.

- Для чего? - спросил он.

- Чтобы увидели, - сказал голос. - Пожалуйста. Не тяни.

Щелчок. Линия умерла.

В кабине было тихо, слышно, как гудит лампа над пультом. Пых смотрел на Гордея. Гордей смотрел на свой город за стеклом. «Что за ерунда», - сказал он вслух. - «Реквизит». Но рука уже лежала на кнопке «микро», и Пых не стал мешать.

- Друзья, - сказал Гордей в эфир, и сам не знал, зачем. - У нас тут, в прямом эфире, поболтали дети. Ничего, у нас эфир для всех. Но вот что. Я живу не в этом окне, я вон в том окне живу, поэтому я за вас не решу. Но если кто сейчас сидит на Гагарина или рядом и услышал меня: гляньте в подъезд четырнадцатого дома, свет там горит или нет. Если не горит, включите. Третьяжка, скажем так, попросила.

Сказал и почувствовал себя идиотом. Ночной эфир не прощает, когда ты в него втягиваешь город как в игру: через минуту у тебя на коммутаторе уже сто вызовов, и все хотят

играть.

И город начал играть.

Сначала Кувшин-таксист: «Гордей, я внизу! Света нет, лампочки вообще. Подъезд один, зайти?» Потом с того же Гагарина, из какого-то двора, бабка, имя не расслышать. «Девять лет не горит, прикинь, сынки, я им говорила - а они не слушают». Потом ещё, ещё, ещё. Пых ловил линии, как котом, Гордей рубил, кого попадёт. К половине первого город вокруг девятиэтажки светился, как аэропорт: люди выходили на лестничные площадки, кто-то выкручивал свои лампочки и ставил их в чужой подъезд, кто-то держал фонарик на телефоне до утра, кто-то орал снизу в небо «есть кто живой?», и с верхних этажей ему отвечали, потому что ночь всё стерпит и всё объяснит.

Гордей поставил «Звезду по имени Солнце». Пых поставил в журналчик: «00:40, звонок 1, ребёнок, 15 секунд. 00:52 - 01:31, Гагарина, свистопляска». У Пыха был бумажный журналчик с 1993 года. Он говорил, что флешки умирают молча, а бумага - с памятью.

В час двадцать позвонили с «Скорой». Не нам, думал Гордей, мимо, в справочную, но коммутатор поставил на нас. Машину просили на Гагарина, 14, подъезд один: «У нас тут, кажется... впрочем, приезжайте все, раз уж свет включили».

В два ноль-ноль программа ушла в заставку. Гордей не пошёл: Пых молча перебросил ему второй пульт, и ещё час они сидели в кабине. Снизу, из-за железной двери, эхом тя-

нуло сырым цементом: Дом связи стоял на старой воде, и в подвале с сентября жили утки, утки жили лучше людей, люди жаловались.

В три пятнадцать Гордей сказал:

- Ночь была странная, ребята. «Маяк» напоследок починил людям свет. Если это был розыгрыш - это лучший розыгрыш в городе за десять лет. В восемь утра я уже не в эфире, я в архиве. Берегите себя до утра. Эфир до утра - это мы, а не они.

Дома, в своей однушке на Стрелке, Гордей не лёг до света. Сидел на кухне, смотрел, как фонарь на Гагарина делает свою работу - мигает, никого не зовёт, ничего не обещает.

В семь утра позвонила женщина, номера он не знал.

- Это Тихомиров с радио? - спросила она. - Вы вчера свет просили включить.

- Просил, - сказал Гордей.

- Тогда приезжайте. Вас тут... спрашивают.

Спрашивал Следственный комитет. Гордей это понял, когда увидел на Гагарина, 14, ленты и «буханку».

На третьей площадке, между окном и почтовыми ящиками, у которых вместо двенадцати дверец висели картонки с фамилиями, сидел в кресле из подъездного хлама мужчина. То есть лежал в нём. Голова была запрокинута к лампочке, не горевшей с сентября. Поликарп Ильич Семухин, шестьдесят один год, майор полиции в отставке, сорок лет службы, из них двадцать в участке на Гагарина. Двенадцать лет на

пенсии. Убит ударом по затылку чем-то, что эксперты потом называли «тупой металлический предмет». Его собственная трость стояла в углу, целёхонькая.

Гордея впустили не сразу. Впустили, потому что он был тот самый, вчерашний, «со светом», а город к утру уже гудел, как улей, который открыли.

- Это вы, что ли, лампочку включили? - спросил его следователь: молодой, в плохом пальто, с синяком под глазом.

- До того, как нашли?

- Я не включал. Я город попросил.

- Интересная смена профиля, - сказал следователь. - Виктором буду.

- Я понял, о чём вы, - сказал Гордей. - Я тоже так подумал, пока спускался.

- И?

- И никак. У меня алиби: я три с половиной часа сидел в кабине, где микрофон на весь город. Полгорода меня слушали, полгорода звонили. Пых подтвердит, у него журнальчик.

Следователь помолчал, потом сказал:

- Ладно. Ещё позвоните. Никому.

Уже на улице Гордей достал телефон и позвонил на станцию. Пых ответил после третьего гудка. Он, в отличие от города, не спал всю ночь: слушал запись.

- Гордей. Иди сюда, - сказал Пых. - Запись не читается.

- В смысле?

- В обычном. Сорок секунд тишины на линии. Ни гудка,

ни шума, ни фона. Гордей, ты понял? Пустая линия гудит, даже мёртвая гудит, у неё наводка от сети есть. На нашем звонке - ничего. Так в студии пишут, когда в комнате никто не дышит.

- Может, вырезали где...

- Не вырезали. Стыков нет. - Пауза. И тише, внятно, как на допросе: - Я утром полез в кросс проверить, откуда шёл вызов. Номер, который набирался на «ночную линию»... Гордей, эта линия отключена. Не сломана, не шумит. Отключена и снята с кросса. Ещё в сентябре, когда городскую АТС перелицовывали, я сам выдрал её рубильником. С неё никто не дозвонился бы и через десять лет.

Гордей стоял у подъезда. В подъезде на третьем этаже уже выкручивали лампочку. Новую. Кто-то уже принёс.

- Ты слышишь меня? - сказал он в трубку.

- Слышу, - сказал Пых. - И ты меня. Вот этого я и боюсь, Гордей. Мы теперь друг друга слышим всю ночь.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГОРОД СЛУШАЕТ

К обеду у Дома связи стояли две камеры: городская и с портала «Volga-Пресс», и обе снимали окна третьего этажа, хотя снимать было нечего: жалюзи. Новость к утру развернули так, как умеют только в маленьких городах: сначала «взрослые дети убили пенсионера в подъезде», потом «убили за то, что видел», потом «пропадала в этом подъезде девочка, припомнили». К трём часам в подъезде на Гагарина, 14, образовался мемориал: игрушки, свечи, записка от управы «ремонт света будет выполнен». Записку прибили у мусоропровода, и жители обходили её, как обходят лужу, которая никогда не высыхает.

Гордей спал два часа, потом его выдернули на «планёрку», которой у «Маяка» не бывало и в лучшие годы. Собственно, планёрки не было. Был телефон владельца станции. Орест Крестинский позвонил в кабинет Пыха, потому что больше звонить было некуда: директор с недельной командировкой «перевоспитывался» на море.

- Тихомиров, - сказал Крестинский. - Ночью ты собрал рекорд. Наслушанность твоя последняя, а цифры - первые за три года. Ты меня слышишь?

- Вещаю на всю область.

- Не ёрничай. Я не против твоего призрака. Я против того, что завтра тебя нет в сетке. Приезжай завтра, поговорим.

- У меня контракт до полуночи.

- У тебя, - сказал Крестинский, - как раз в эту полночь всё и начнётся.

Катя Лоскутова с «Volga-Пресс» поймала его у кофейного автомата: тот варил кофе как из бидона, но держал ценник «35 руб.», потому что обслуживал его фонд «Комфортный Город»: «для работников отрасли - по-семейному».

- Гордей Михайлович? - сказала она. - Мне не надо интервью. Мне надо, чтобы вы посмотрели одну бумажку. Две минуты вашего времени и мой источник останется моим источником.

Она была мелкая, в мужской куртке на два размера, с диктофоном на карабине за шлёвками, как граната, и волосами, собранными руками, на бегу, на автопилоте.

- Я не играю в «покажите бумажку», - сказал Гордей. - Я вчера один раз поиграл. У меня теперь в графе «свидетель» запись.

- Семухин был дежурным, - сказала Катя, не повышая голоса. - Октябрь 2016. Заявление о пропаже Сорокиной принимали не в районе, а у нас, в горотделе, принял его участковый из вашего участка, а оформил - вот именно Семухин, он тогда дежурил. Через три дня он же составил справку: «поступавшие обращения по несовершеннолетней Сорокиной переквалифицированы, основания для поиска не усмотрены».

рены». Я эту справку держала в руках. Она в архиве пахла так, как если бы её ни разу не читали.

Гордей поставил стакан. Кофе был отвратительный и обжигающий, как всё в этом здании.

- Ты хочешь, чтобы я это озвучил.

- Я хочу, чтобы вы не влезли, - сказала Катя. - Вчера вы включили людям свет, и из-за этого, возможно, убили человека. Или не убили бы, а? Вот я и не знаю ответа. А вы?

- Я тоже не знаю.

- Тогда посмотрите бумажку и идите с ней в полицию, а не ко мне в эфир, - сказала она и протянула сложенный лист: ксерокопия с печатью «ЭКЗ», и дата внизу. - Родину передайте, это следователь. Он нормальный, я его в двух материалах не цитировала, он меня за это любит. И Гордей Михайлович... - она уже отошла, но обернулась, - если вам сегодня ночью снова позвонит ребёнок... не просите город включать свет. Пусть сначала люди ложатся спать.

Он не ответил. Она сама себе кивнула и ушла, стуча кабелями так, будто прохлопывала морзятку.

А в четыре позвонил Пых и сказал одно слово: «Спускайся».

Телефонная комната «Маяка» помещалась на втором этаже, за сейфовую дверь, в которой проржавел замок, и потому дверь просто держали на цепочке. Гордей там не был лет десять: сюда, на старый кросс, приходили советские линии, отсюда они расходились по этажам и по проводам в город,

и всё это хозяйство обслуживало «Ростелеком» ещё с того времени, когда «Ростелеком» назывался по-другому и писал от руки. Пахло металлической пылью.

Пых стоял на коленях у щитка с фонариком в зубах.

- Нюхай, - сказал он и протянул Гордею оторванный кусок изоленды. - Чувствуешь?

- Клей.

- Клей, - согласился Пых. - Это клей этот год, он ещё не заветрился, а провод старый, девяносто пятого. Смотри сюда. - Он посветил на жгут. - Наша «ночная линия» вот тут. Я её в сентябре сам снял и заизолировал, вот, мой почерк на бирке. А теперь скажи, Гордей, кто это свежей изолендой перематывает мёртвый провод?

Гордей посмотрел внимательно. Место среза было чистое, скрутка ровная, изоленда новая, намотана втри-четыре, как делают люди, которые делают это не впервые.

- В журнале доступа, - сказал Пых, - кто заходил в эту комнату с сентября, три записи. Я выписал. Слесарь-электрик Демидов. Фирма «Комфортный Город», заявки по разряду «уличное и подъездное освещение». Две ночные, одна дневная.

- Они же лампы меняют.

- Они лампы меняют на лестничных площадках, - сказал Пых. - А залезть в кросс и снять новую ленту на мёртвую линию - это, Гордей, не «лампы меняют». Это «я знаю, где у дома нерв». - Он сплюнул на палец и потёр щиток. Палец

стал чёрный. - Вот. Пыль легла ровно. А вот тут полоска чистая. Значит, кто-то сюда приходит и, когда приходит, у нас с вами на пульте поднимается линия, которой нет в природе.

Уже в дверях Гордей обернулся: Пых стоял на четвереньках и молился своему фонарику, шевеля губами. Он делал вид, что записывает. Он и вправду записывал: у него в нагрудном кармане жил крохотный блокнотик, и в нём всё было, и даты, и пропуски, и даже то, что на стенах.

- Пых.

- Чего.

- Никому про ленту. Сначала я, потом Родин.

- Мне, - сказал Пых, - уже всем. А тебе, если что, скажу, что я молчал.

Родин приехал вечером, и разговор о бумажке Кати, о справке 2016 года и о «третьем варианте» состоялся на кухне у Гордея: Родин заехал «на пять минут, без формы», пил чай с баранками и на полуслове перестал быть вежливым.

- Ты понимаешь, что ты в описи, - сказал он. - Семухин в описи. Ты - тот, кто в подъезде засветил.

- Засветил не я. Засветил город.

- Для протокола, - сказал Родин, - это одно лицо. - Он подвинул чашку. - Я, Гордей, двадцать лет, не, полтора года в следкоме, но я из ППС, я «Маяк» слушал с пацаном на вышке, в девяносто девятом, когда ты... ну. Я к чему. Если у тебя с этим, со светом, честно - не гаси программу. Всё, что будет, пиши двойным диктофоном и давай мне. И вот ещё, это не

совет, это... я сам себе это говорю через тебя: если позвонят и скажут адрес - звони мне. Не полиции, не «дежурной части», там у них форма, форма ест время. Мне.

- Диктофон где взять?

- Купишь в «Радиотоварищах», там дядя Миша, я ему скажу, скажешь «Родня». - Родин, впервые за вечер, показал зубы. - Пальцы он мне, впрочем, не перепиши.

В восемь часов сорок, прежде чем вернуться на третий этаж, Гордей проехался на «девятке» по городу. Себе он честно сказал: проветриться. Это было нечестно: он ехал к бане.

Баня номер два на Ключева стояла двухэтажная, крашеная когда-то в синий, теперь в цвет мокрого неба, с вывеской, где буква «Н» отвалилась и лежала в окне второго этажа, как запасная. У калитки - белый фургон с лестницей, и борт его был украшен надписью, которую Гордей в городе встречал чаще, чем свою фамилию: «Комфортный Город - свет, тепло, вода. Уставшая лампочка - наша проблема». Из фургона вышел молодой в оранжевом жилете, поглядел на окна бани, зевнул и залез обратно: фургон, светясь салоном, стал мастерской, где-то внутри застучало.

Гордей проехал мимо, не останавливаясь. За ним никто не поехал, и это его ничуть не обрадовало.

В кабинете у пульта он застал Катю. Она сидела на корточках у розетки, заряжала диктофон-«гранату» и не подняла головы.

- Ты чего тут?

- Твой приятель следователь сказал, что в бане на Ключева с осени никто не моется, - сказала Катя. - Но на втором этаже свет по ночам. Я спросила у Кувшина, он возит туда «частники». Тётка с весами. В бане, Гордей Михайлович, весы, ими на приёнке взвешивают: баня по-старому, по листам, на дровах. Заведующая умерла в июне, с тех пор там Зоя, она ещё по справкам... - она замялась. - Она в 2016-м, когда искали Асю, в скупочке сидела. К ней тогда за рюкзаком приходили, а она сказала, что «ничего не приносили». Рюкзак потом нашли в овраге, и он был чистый. Ты понимаешь? Рюкзак двенадцатилетней девочки, в овраге, в октябре, чистый. Это значит, его туда положили. А она соврала, что никто не приходил, и, значит, знала, кому.

- Ты откуда...

- Из того же места, откуда ты: из вчерашнего подъезда. Я, Гордей Михайлович, не интервью беру, я заметки пишу. А заметки у меня злее интервью.

- Катя, - сказал Гордей, - иди ты сегодня домой.

- Я сегодня в баню, - сказала Катя. - У меня, в отличие от вас, нет микрофона. И нет, я не полезу героически. Я посту-чусь и спрошу как человек, потому что с людьми, которые врут про чужих детей, надо говорить как человек, пока их не вынудили говорить как со свидетелями.

Она ушла, не дожидаясь ответа, и Пых из кабины сказал в тишину:

- Дельная девочка.

- Страшная девочка, - сказал Гордей.

- Это, - сказал Пых, - одно и то же, просто в разных руках.

В восемь минут одиннадцатого, с опозданием на двадцать минут и с другой сеткой, он сказал в микрофон:

- Я обещал, что это последняя ночь. Оказывается, я не решаю. Нас продержат ещё на одну, пока юристы не перепишут бумаги. Поэтому: ночь вторая, программа та же, телефон тот же. Верхневолжск, не спится, да? Не спится - звоните.

Город, который уже знал про призрака, ломанулся на все шесть линий. Первым шёл мужчина, представившийся Сергеем из ПМК-7: «Вы там не бойтесь, я в том подъезде сам свет чинил, там два этажа сгоревших пакетников стоит, я их не менял, мне сказали - не для нас. А вы теперь напишите: ‘не для нас’ - и всё, и они поменяют». Потом женщина, которая трижды переспросила «а точно это в эфире, и это слышно?», и, получив ответ, сказала: «Поликаныч, ты был сволочь, но ты меня в девяносто девятом отпустил, я с тех пор не брала. Прости. Свети». Потом мальчик: «Дядя, я Милке так и не позвонил. Можно ещё раз ‘Кончится лето’?» - «Можно», - сказал Гордей, и Пых, не глядя, поставил.

Ноль часов тринадцать минут.

Звонок пришёл без щелчка. Просто в трубке, посреди слова, оказался ребёнок.

- Ты слушаешь? - спросил голос.

- Слушаю, - сказал Гордей, и у него было ровно столько

совести, чтобы не дышать.

- Раз. Два. Три. - Голос считал так, как дышит: потому что иначе нельзя. - Баня на Ключева, два этажа, синяя. Там женщина с весами. У неё весы, которые врут, ей это известно, ей некуда деться. Третий стук будет в два часа ноль-ноль. Если сможешь, не давай. Она не кричит громко, а я не хочу, чтобы ты потом говорил про «свет». Я не про свет. Я про то, что можно успеть.

- Стой, - сказал Гордей. - Как тебя...

- ...звать? - Голос ответил раньше него. - Не узнаёшь. Это хорошо.

Щелчок. Пых, в кабине, медленно поднял два пальца: «подожди». Он крутил ручки, ловил линию, как ловят удочку. Минуты две он был краснее своей стены.

- Гордей.

- Чего?

- Вызов шёл не снаружи, - сказал Пых. - Я сейчас не врубаюсь, я физикой интересуюсь... но у меня на панели линия села на внутренний номер. Дом связи, третий этаж. Нас. Изнутри, Гордей, тебе звонили изнутри.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ВТОРОЙ ЗВОНОК

Пых вёл эфир двадцать семь минут. Это были, по единодушному мнению обоих, лучшие и последние двадцать семь минут в истории разговорного радио «Маяк». Он ставил пластинки, хрипел «музыкальная пауза для тех, кто не спит по уважительной причине» и не отпускал микрофон, даже когда музыка кончалась, - просто держал тишину, как держат дверь: вдруг кто-то придёт. Гордей за это время успел три вещи: позвонить Родину, надеть на крыльце второй носок и влезть в чужую «Ниву», потому что своя «девятка» не заводилась.

- Третий раз за ночь, - сказал Пых. - Я, Гордей, в приметы не верю.

- Я тоже.

- Значит, всё серьёзно.

Пых повёз сам, на своей «Ниве», семнадцатилетней, в будке у которой лежали катушки, паяльник и три пары валенок. Город в первый час ночи был серый от тумана и почти домашний: пёс у «Пятёрочки», витрина «Радиотоварищей» с табличкой «Ремонт приёмников. Не меняем на новые. Довольно с вас новых». Радио ловило только «Волну», и песни там обрывались на середине фразы, потому что алгоритм не

знал, что у песни есть сердце. Пых слушал это и матерился одними губами.

- Кого-то вы мне тут приводите, - не оборачиваясь, сказал Пых.

- Никого, - сказал Гордей. - Газу дай.

- Я и так на максимуме, - сказал Пых, и было непонятно, про педаль или про жизнь.

Родин встретил их у бани сорок минут спустя. Был туман, тот самый, верхневолжский, который с реки подходит к домам вплотную и делает из фонарей пятна. Баня номер два - двухэтажный сруб, обшитый когда-то синим сайдингом, - светилась ровно одним окном: приём, второй этаж.

- Патруль в двух кварталах, - сказал Родин, - я его не поднимал, не хотел света. - Он смотрел на вход. - Свидетели? Никто не выходил, никто не заходил. Кувшин вон стоит, «частники» его к девяти уехали.

Кувшин, таксист Балкон, подтвердил из своего окна: баня как баня, Зойка одна в доме, моющихся нет, дровами пахнет, а с восьми «какой-то мужик на входе ошивался, я думал - погреться».

- Какой?

- Да какой-нибудь, - обиделся Кувшин. - Нормальный. В перчатках.

- В каких? - спросил Родин.

- В белых. Я, брат, не совсем из ума вон. В перчатках таких, как у врачей или у кондукторов, у которых руки мёрз-

нут, а деньги считаются.

Гордей почувствовал, как у него по спине прошёлся этот холодный чертёнок, который бегаёт, когда в чужом рассказе вдруг узнаётся то, чего ты ждал, но не хотел.

Катя сидела, как и обещала, с другой стороны: в Кувшинском «частнике», закутанная в мужской шарф, с диктофоном на коленях. Геройски не полезла - просто купила себе час в бане напротив, «для отчёта о работе ЖКХ». Кувшин за это получил плюс к звезде водителя, Катя - десять минут Зоиноного монолога про «совесть в весовой категории», о котором она потом ничего не написала.

- Правила, - сказал Родин, когда они с Гордеем устроились в «Ниве» с термосом, который Пых молча сунул в окно, как посылку. - Первое: ты не высовываешься. У тебя голос, а не ноги. Второе: если в дом войдут - мы заходим, а ты сидишь. Третье: если это окажется не человек...

- Не смейте, - попросил Гордей. - Я всю ночь это в эфире объяснял людям. Сам себе не объяснил.

Родин хмыкнул, открутил колпачок термоса, понюхал и, не морщась, отпил.

- «Золотая», - сказал он. - У моего отца такая была. Он меня в пятнадцать лет на вышку взял, дежурить с ним. Мы на вышке «Маяк» слушали, ты ещё прогноз читал про «атлантический циклон» таким голосом, что мы просыпались. У нас приёмник только средние волны брал. Он мне тогда сказал: «Вить, если тебя город слушает - значит, город не спит.

Не подводи спящих». Я с тех пор, считай, всю карьеру эту фразу соблюдаю, а она, зараза, от работы не освобождает.

- А от чего освобождает?

- Ни от чего, - сказал Родин. - Пошли. Чайник у Пыха на уровне серной.

Ждали. Свет погас ровно в без четверти два: в бане, в приёмной, где ночник. Снаружи скрипнули крышка щитка и чья-то подошва, и пальцы Родина уже лежали на рукояти.

Туман стал чёрным и густым, как кисель.

И тут - в темноте, очень отчётливо - кто-то постучал в дверь бани.

Раз.

Два.

Гордей рванул со своей позиции через задний двор, Родин - с левой, по крыльцу. Они слышали, как за спиной, у подъезда бани, скрипнула вторая дверь, служебная, и по брусчатке зашуршало: кто-то уходил быстро и спокойно, так, как уходят люди, уверенные, что их не хватятся. Родин крикнул «стой!», выстрелил вверх, и ночь ответила эхом и лаем за рекой.

В приёмной бани горел единственный ночник. За стойкой, на табурете, сидела полная женщина лет пятидесяти, в телогрейке поверх халата, и держала в руках записку, словно билет на поезд, который ей сунули в автобусе.

- Никого не пускаю, - сказала она, как учили. - А вы кто? Документы есть?

- Полиция, - сказал Родин. - Что у вас в руке?

- Бумажка. Мне её... - она растерялась. - Там человек был.

Заходил, перчатки белые снимал так, медленно, а потом - нет его перчаток. Говорит: «Зоя, не пускай после двух. Девочка права, не гаси свет». И сунул. И ушёл. А я, дура, села ждать. Час ждала. Два ждала. У вас тут что, - она вдруг заплакала, тихо, в ладонь, как плачут люди, которые всю жизнь держатся, - у вас тут в городе уже дети предупреждают? А взрослые? А взрослые куда смотрят?

Записка была написана печатными буквами, круглыми, по-детски старательными:

ТРИ СТУКА. НЕ ГАСИ СВЕТА. ЕСЛИ ПОГАСЛИ - НЕ ОТВЕЧАЙ.

- Он знал, что девочка позвонит, - сказал Гордей, когда они вышли во двор. Родин курил, разглядывая служебную дверь.

- Не «что», а «когда», - поправил следователь. - Зоя, значит, и в самом деле была в списке, но не в том, который мы думали. Кто-то второй хочет, чтобы она жила. И этот второй не боится, что я его найду: он записку пишет при свидетелях на входе.

- Свет! - крикнул со двора Кувшин. - Свет ваш!

Во дворе, у заднего крыльца бани, лежал, светясь, фонарик: старый «Жучок» на батарейках «Атлант». Гордей поднял его носком, потому что Родин уже натянул перчатки, и, когда выворачивал крышку батарейного отсека, оттуда вы-

пал и покатился по льду клочок бумаги: вырванный из блокнота, с надорванным краем. На нём - «...ая, если слу... можешь не подх...». Обрывки. И штамп в углу, еле намоленный: «Радио 'Маяк' - 60 лет».

- Пусть Пых едет сюда и приносит свой журнальчик, - сказал Родин. И... - он посмотрел на Кувшина, который стоял в дверях бани, разинув рот. - Никто из вас сегодня ничего не видел. Это приказ.

Зую увезли «под охрану» в отделение на Окружной. Прежде чем сесть в машину, она подошла к Гордею, схватила его за рукав и спросила так, будто он был обязан знать:

- Чего это значит, «не гаси свет»? Меня в подъезде ждут? Мне уходить нельзя?

- Вам нужно, - сказал Гордей, - чтобы подъезд был освещён. Вот и всё.

- Врёт, - сказала Зоя Родину. - Это я понимаю. Врёт, а приятно.

- Погодите, - сказала вдруг Зоя, уже у машины, и Родин невозвращающе посторонился. - Ты ведущий? Скажи. Я ведь тоже, выходит, из тех, кого... - она не договорила и спросила другое: - Откуда она знала про весы?

- Про какие весы?

- Про мои. - Зоя облизнула губы. - У меня на приёмке весы, «ВМ-8», ещё заводские, они недобер берут грамм на триста, я об этом всем в открытую говорю: «Дядя Витя, не обессудь, минус сто за то, что ты занесёшь сам». Весь посё-

лок знает. А девочка в трубке сказала: «у неё весы, которые врут, ей это известно». Ну не известно мне! Известно всем, а не ей! Я с ней про весы не говорила!

- Кто с вами не говорила?

- Которая звонила, - сказала Зоя нетерпеливо. - Или та, что записку дала. Мне, Гордей Михайлович, и про рюкзак тот, десятилетней давности, сказать нечего, я уже всё сказала... почти. А вот что, может, и не сказала. Девочка к нам в две тысячи шестнадцатом зимой приходила. Один раз. Высокая, в чужом пальто, просила час на двоих, а пошла одна, и дров просила взвесить. «Честно взвесь, - говорит, - Зоя, а то мне потом на весах жизни». Я ей сдачи не взяла, она и не спорила. Я потом о ней весь день думала, а потом не думала. Понимаешь? - она подняла на Гордея глаза, красные, старые, честные, какие бывают только в шесть утра. - Я про девочку на радио соврала, потому что меня в две тысячи шестнадцатом предупредили: сболтнёшь - у тебя племяш на стройке неосторожный. У меня племяш на стройке до сих пор неосторожный, я о нём тридцать лет молюсь. А теперь вот ты скажи мне одно: та, что приходила, она ведь жива? Жива, да?

Утро началось с экспертизы. «Почерк, - сказала эксперт, - женщина 18-25 лет, правша, буквы рисует. Бумага - фирменный блокнот ночного кабинета радио 'Маяк', партия 2016 года, снята с обеспечения после потопа и сложена в подвальный архив станции. Таких блокнотов было сорок, опись на

них никто не составлял». - «Значит, взять мог любой?» - «Любой, кто ходит в подвал, - сказала эксперт. - Это радио, а не сейф. Но вам, Тихомиров, стоит знать: клочки - и из подъезда, и из бани - от одного блокнота. От того, у которого верхняя страница вырвана аккуратно, под линейку. Кто им пользуется - тот пользуется давно и по-хозяйски».

В «Маяк» Гордей вошёл в девятом часу и сразу получил звонок Крестинского.

- Ночную сетку я не закрываю: юристы копаются, а я копаю деньги, - сказал владелец. - Ты мне нужен живой и в эфире. Одно условие: призрака в афишу не выносим, город сам всё придумает.

Пых нашёлся в подвале, у архивной двери: старенький «мастерок» на месте, ключ от него третий год лежит в ящике пульта.

- Я, Гордей, - сказал Пых, открывая своим, ночным, ключом, - тридцать лет в этот подвал не лазил. А вот кто-то лазает.

На пыльном полу у стеллажей с промокшими подшивками «Маяка» (те, что уцелели после потопа, то есть все, кроме смысла) виднелись следы: размер маленький, подошва в мелкий ромб, как у кед. На нижней полке лежал открытый блокнот в выцветшую красно-синюю полоску, «Радио 'Маяк' - 60 лет», и верхняя страница у него была вырвана - ровно, аккуратно, под линейку. Рядом стоял электрический чайник, новый, в упаковке без чека, и кружка. С доньшка кружки не

успела стечь вода.

Гордей сидел на перевёрнутом ящике и слушал, как Пых нюхает воду из кружки: кипячёная, без чая, кто-то пришёл просто погреть руки. Кто-то, кто знает, что в этот подвал десять лет никто не заходит. Значит, ходит здесь, как дома.

Вечером Родин заехал за ним сам, и пока ехали к ночной смене, сказал, глядя в лобовое:

- Семухина убили не в подъезде, Гордей. Точнее, не «так», как думали. Его убили в 23:40. Врач вам подтвердит. А вы звонки слушали в ноль сорок.

- И?

- Значит, звонивший, когда просил «включи свет», говорил правду: он не предупреждал, когда ударят. Он просил, чтобы тело нашли вовремя. - Родин повернул к Дому связи так, что Гордей схватился за ручку. - Вам это ничего не напоминает?

- Нет, - сказал Гордей.

- А мне да. Десять лет назад девочка тоже пропала не ночью. Она пропала между четырьмя и пятью, из школы. Просто в нашем городе все хотят, чтобы это было темно.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Ночь после бани прошла без звонков. Призрак держал паузу, и, как потом говорил Пых, это было хуже, чем голос: «Пока оно говорит - оно с тобой разговаривает. Замолчит - значит, решает».

Гордей отработал эфир ровно, поставил всё, что просили, сам не сказал почти ничего и, закрываясь, произнёс только: «Спите спокойно. Свет оставьте включённым, если не спится». Город послушал: по статистике электросетей, которые Родин на всякий случай проверил, ночное потребление в центре выросло на четыре процента. Четыре процента Верхневолжска не спали и жгли свет, как свечи у иконы, только без веры, а с упрямством.

Родин вечером прислал в эфир-текст одну строчку, без подписи: «Сверху велели 'звонки' не светить. Тянем. Держись». Тянули, как умели: формально дело Семухина шло как «убийство, личность преступника не установлена», и к утру четвёрга в нём было ровно две зацепки. Первая: оружие - «тупой металлический предмет», в подъезде такой не нашли; значит, принесли с собой и унесли. Вторая: в тамбуре на коврике отпечатались следы входных ботинок - только Семухины. Гость вошёл, не вытирая ног, потому что его пропустили. Взрослого человека в подъезде, где все друг друга знают в лицо двадцать лет, встречают так только по одному

поводу: когда не бояться.

А ночь была странная, потому что город сам начал вести эфир. Звонили взрослые, сдержанные люди, и каждый норовил сказать лишнее. Механик с депо попросил передать «той, что звонит, - если она из наших, из ночных: мы не сволочи, мы просто спали». Женщина с Катырева прочитала в прямом эфире короткую записку, которую ей «под сорок дней» оставила соседка, и попросила не называть имени, «сама поймёшь, Пых поймёт, у него всё написано». Пых, конечно, понял и поставил «Атланты», без объявления, отчего в кабине стало так тихо, что было слышно, как за стеной течёт труба. Гордей в третьем часу снял со стены бумажку со списком - и стал читать имена. Просто имена: Поликарп. Ася. Десять лет. Три строки прозвучали в эфире, как переключка. В коммутаторе не звонил никто. Слушали, кажется, все.

Днём, в четверг, Катя приехала к нему на Стрелку, потому что на станции, при живом микрофоне, говорить было нельзя, а Гордей к тому моменту не спал толком всю неделю и не брился со вчерашнего эфира. Она поставила на его кухню пакет из «Пятёрочки»: пачку чая, печенье «Юбилейное» и блокнот, исписанный её почерком, где каждая строка была датой, как в судовом журнале.

- Я тебе не верю, но верю в формат, - сказала Катя. - Формат такой: если два человека копают - один из них уже не верит. Держи. Две тысячи шестнадцатый.

Октябрь 2016-го. Понедельник. Ася Сорокина, двенадцать лет, школа номер девять, последний урок - изо, рисовала акварелью подъезд: «дом, только без лампочек». Из школы ушла в 17:10, в буфете не была, дежурный охранник видел, как она вышла через основное крыльцо: «за ней никто не шёл, впереди тоже». Домой - девятьсот метров по Гагарина и двор. Домой она не пришла.

Первые три дня город искал по-настоящему: волонтёры, листовки, «ристы» - поисковый отряд, который тогда ещё называли «Лиза верхневолжская», - прочёсывали берег, овраги, чердаки. На листовке была фотография, где Ася улыбнулась косо, в очках, с заплетёнными наспех, на две разные стороны, косичками. Эта фотография висела в подъезде на Гагарина, 14, до весны семнадцатого. Гордей помнил её лучше, чем собственное лицо, потому что это он, тогда ещё ведущий вечерних новостей на областном, произнёс 14 ноября 2016-го, глядя в камеру, дежурную фразу, которую ему подсунули в суфлёр: «Расследование завершено, признаков преступления не обнаружено, девочка, вероятнее всего, утонула».

Тела не нашли. «Вероятнее всего» в нашем городе производилось так, что звучало как «точно».

- Ты это в эфире сказал, - сказала Катя, не глядя на него. Она была в этом вопросе вежливой только с виду.
- Мне дали бумажку. Я прочитал.
- И потом?

- Потом через полгода был Гусин. Ты помнишь Гусина? Учителя физкультуры, по всей области судачили. Его тоже «дали»: свидетеля, который врать умел. Только Гусина отпустили, а здесь я сам себе не смог: я не дал убить себя чужой фамилией, я дал утонуть чужому ребёнку. - Гордей повернул кружку с чаем. - Разница, Катя, в том, что за Гусина был редактор, а за Асю - не было никого. Вот я и ушёл в ночь, туда, где бумажки не дают.

Катя молчала ровно столько, сколько нужно, чтобы это не было ни поддержкой, ни осуждением. Потом перевернула страницу.

- Ладно. Твои грехи подождут: у них, в отличие от меня, терпение выработалось. Теперь список. Семухин - дежурный, который зарегистрировал заявление на третий день и «переквалифицировал» на поиск без оснований. Зоя - скупка у автовокзала, к ней в ноябре приходили «сдать рюкзак школьный, девичий, синяя молния»; она сказала, что не было никого. Рюкзак нашли в овраге в декабре - чистый. Галя Геомат, «мать Галя», частный сыск на картах: в эфире местного радио сказала, что «чуёт: девочка пошла на юг, к воде»; увела за собой полтора десятка волонтеров в ненужный овраг, в дождь. Четверо - все, кто в те месяцы проходил по делу как свидетели и сказал не то, что видел. Двое уже мертвы, одна под охраной, четвёртая - Галя Геомат - жива и нема: она единственный человек в этом городе, кому в две тысячи шестнадцатом заплатили за ложь в прямом эфире. Платил

«благотворитель». Галя до сих пор торгует картами у «Космоса» и, по моим данным, ждёт, что за ней придут.

- Ты откуда это знаешь?

- Я, Гордей, десять лет писала про ЖКХ. Отчёты читаются лучше романов: в отчётах никто не старается красиво. - Она подняла на него глаза. - И ещё: вчера вечером Гале звонили с незнакомого. Предложили «поговорить честно, в прямом эфире, с гонораром». Она согласилась.

- Кто звонил?

- Вот это я и хочу узнать до неё. У призрака, кроме нас, завелись слушатели.

Перед Сорокиными Катя затянула его в Заречье, к ларьку «Палыч», который на углу школы номер девять стоял с девяносто пятого и пережил три пожара, двух мэров и все рекламные реформы. За прилавком сидела баба Люся, семьдесят с хвостом, память была у неё, как у Пыха: на бумаге и навсегда.

- Школу-то помню, - сказала она, не отрываясь от кроссворда. - И Асю помню: очки, косички, вечно резинку теряет и просит в долг жвачку, потом отдаёт. Хорошая. После того случая, в шестнадцатом, тише стали... А ты про что?

- Про «снимали», - сказала Катя. - Вы же писали в «Народный контроль»: в октябре шестнадцатого, за месяц до исчезновения, у школы съёмка была. «Безопасный город». Детей учили «светомузыке».

- Это как же так «не было», - удивилась баба Люся. - Бы-

ло. Машина белая, будка на крыше, дядьки добрые, всем леденцы. Мой Санька потом неделю по темноте не ходил: «а нас учили, если свет не горит - не отвечай, стучат - не открывай». Я ему: кто учил? А он: «дядя Юра». Я, - она отложила ручку, - тогда подумала: поповщина какая-то, детскую страхом не воспитывают. А потом Аська пропала. И у нас тут, - баба Люся покосилась на школьное крыльцо, которое уже перекрасили, - как-то само собой вышло, что «дядя Юра» - это тот, кто добрый. А добрых в городе, сама знаешь, сколько: ровно сколько на фотографиях висит.

- Фотографиях где? - спросил Гордей.

- А ты не видел? - Баба Люся посмотрела на него с жалостью, как смотрят на слепого. - В фойе «Дома связи». Зал заседаний ихний, общественный. «Комфортный город», год за годом, все при деле.

Сорокиных Гордей нашёл на той же Гагарина, но в другом подъезде: квартиру номер 41, где на площадке горел свет, потому что его чинили вручную, каждый вечер. Открыл Пётр Иванович, отец, пятьдесят шесть лет, сварщик с завода, человек, у которого руки были похожи на его характер: толстая кожа, точные движения, всё внутри.

Они просидели на кухне до седьмого вечера. Пётр Иванович не плакал и не кричал; он показал блокноты: четыре года он, как бухгалтер, записывал каждый день поиска - число, погода, количество волонтеров, «ничего», «ничего», «ничего». На последней странице ежедневника было не «ничего».

Там было написано: «сегодня 10 лет и 3 дня. свет в 1-м горит». И ниже, другим, дрожащим почерком, дописано, кажется, утром: «спасибо».

- Мне не за что, - сказал Гордей.

- Мне тоже, - кивнул Пётр Иванович. - Я к тому, что мы с тобой, мужики, всю жизнь платим за то, чего не сделали. А потом за то, что сделали. Привыкай. Ты мне кофе свари, а то у меня кончился.

Кофе они пили уже в темноте, при той самой кухонной лампочке, которую Пётр Иванович не менял на энергосберегающую принципиально: «мне нормальная, тёплая, Аське нравилось, что в жёлтом всё домашнее». Гордей не решился спросить, почему в их доме свет и в самом деле всегда был включён и днём.

Уже у двери Пётр Иванович, придерживая её, чтобы не скрипнула, сказал:

- У меня тут, знаешь, примета завелась. Дочка моя последнюю неделю перед тем, как... ходила и говорила: «пап, у нас в подъезде кто-то ходит без фонаря, я слышу, как он свет включает». Я ей: «не выдумывай». А она: «не выдумывай - это я не выдумываю, это кто-то выдумывает, что его нет».

- Он посмотрел на Гордея внимательно, без слезы, как сварщик смотрит на шов. - Радио твоя девочка не брешет. Не брешет, Гордей Михайлович. Брешет город. Вот ты и спроси у города, чего он боялся в две тысячи шестнадцатом, кроме темноты.

- Спрошу, - сказал Гордей, и это был не обещание, а приказ самому себе, вслух.

Катя, в свою очередь, к утру вытащила то, что вытащить мог только человек, который десять лет писал про ЖКХ и потому умел читать чужие отчёты так, как другие читают романы.

Ночные камеры. В две тысячи шестнадцатом, к юбилею города, подъезды центра «обвешали» видеонаблюдением: восемьсот камер, половина работала на бумаге, половина - в пользу мэрии на фотографиях. Камера над входом в первый подъезд Гагарина, 14, единственная, что снимала дверь школы номер девять в перспективе двора, - в ночь исчезновения Аси не записала ничего «из-за отключения электроэнергии на фидере». В акте на обслуживание, однако, значилось другое: за две недели до того подъездный щиток вскрывался и осматривался, а за два дня - менялся кабель, работа не плановая, заказчик - «управление по безопасности городского хозяйства», исполнитель - фонд «Комфортный Город». Подписант акта, «председатель правления», - Ю. А. Шпилика.

- Знаешь его? - спросила Катя.

- Кто ж его не знает, - сказал Гордей. - Депутат. Свет, тепло, вода. Он нам ещё чай в студию таскает: «для народа, я же для народа».

Пых, услышав это из кабины (разговор шёл уже там, над пультом), сказал в микрофон и не в микрофон:

- Это он, Гордей, не таскает. Это он подкладывает. Разни-

да в том, кто потом заваривает.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ШПИЛИКА

Зал заседаний на первом этаже Дома связи назывался «общественным», и раз в месяц в нём бывал «Комфортный Город». В четверг, когда «Маяк» ещё не был никому не нужен, фонд проводил приём: старушки с подъездными жалобами, старшины с актами, дети из школы номер девять с плакатами «Мой двор - мой свет». Гордей попал туда случайно, за кофе, и застрял, потому что из зала вышел Крестинский, взял его под локоть и представил, как новую лампу: «Вот, Юрий Аркадьевич, голос ночи. Ночью, говорят, у нас вся правда».

Шпилика был не похож на человека, о котором ночью говорит весь город. Высокий, не толстый и не худой, в очках без оправы, седина стрижена под линейку, руки - в белых тонких перчатках, «аллергия, я же весь день в чужих подвалах, простите стариковскую привычку». Говорил он негромко и так, как говорят люди, которых всю жизнь слушали с удовольствием. Никакого «депутатского»: без «коллеги», без «хочу подчеркнуть», без этого ватного «дорогие друзья». Только - «давайте по-честному», «давайте я вам запишу», «это, между нами, позор, я в пятницу буду на планёрке». Бабушки выходили от него умиротворённые, как из парикмахерской.

Гордею он пожал руку дважды: один раз при людях, второй - когда отвёл в сторону, к окну, где на подоконнике ле-

жал ватман с детскими рисунками «идеальный подъезд».

- Вы, я слышал, включали свет на Гагарина, - сказал Шпилика, и в голосе у него было не осуждение, а что-то почти отеческое, усталое. - Красиво включали. Полгорода повелись. Я, честно, тоже слушал: у меня в машине приёмник, знаете, такая привычка, «Маяк» с девяносто пятого.

- Благодарю за верность, - сказал Гордей.

- Не благодарите. Предупредите. - Шпилика поправил очки. - Ночь нынче нервная. Вы у меня в эфире в четверг ведёте рубрику, вы знаете, о чём я: «свет, вода, тепло». И вы, по недомыслию, превращаете мою рубрику в чьё-то чучело. Если ваш призрак звонит ещё раз - не кормите его. Не обсуждайте, не расследуйте, не стройте из себя сыщика с микрофоном. Отдайте запись следствию и спите. Город у нас маленький, Гордей Михайлович, в маленьком городе сплетня стоит дешевле жизни, а весит больше. Он сам не заметит, как начнёт охотиться.

- На кого? - спросил Гордей.

- На того, кого сам же назначит виноватым, - сказал Шпилика. - Выключите свет, а я, в свою очередь, подумаю, чтобы его не выключили вам. - И улыбнулся так, что стало понятно: обе части фразы - правда.

Крестинский, который всё это время был рядом и не вмешивался, проводил депутата до машины, а вернулся сияющий, как витрина.

- Ты понимаешь, кто это был?

- Свет, - сказал Гордей.

- Вот, - обрадовался Крестинский. - А ты, я смотрю, не ценишь. Он нам ремонт студии обещал. Пульт, микрофоны, кондиционер. За «содействие в диалоге горожан». Ты, Гордей, в этой сделке - диалог. Цени, тебя уже продали.

Ремонт обещали к декабрю. К декабрю на «Маяке» не меняли даже лампочек, о которых говорили весь год.

Четвёртого свидетеля звали Лёня Кошин, и он был оператором на областном ТВ - тем самым, который в две тысячи шестнадцатом снимал сюжет «город безопасный, дворы под камерами». Родин ехал к нему молча, а на полпути сказал:

- Я его по базе знаю. Пять лет как из телевидения, теперь в гаражном кооперативе «Рассвет» гидравлику чинит. Пьёт в прошлом, в настоящем - по средам, по чуть-чуть, «лечусь». Если будет отпираться - не дави, Гордей. Он не храбрый, он аккуратный. С ним надо, как с чужой кассетой: на свет не вынимать, в кармане держать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.